

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ ПОТОМКИ

КОЛОНИСТ

МОСКВА, 2017

фантастическая
история

Марик Лернер
КОЛОНИСТ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 121

Лернер М.

Л49 Колонист: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2449-8

Так ли просто жить попаданцу в прошлом? Не ко всем приходят маги и полководцы, делающие из них героев. На твой счет пророчества пока не придумали, и лучше помалкивать, чтобы не угодить в одержимые дьяволом и не закончить на костре. А еще ты никогда не бывал в деревне, не отличишь рожь от пшеницы, и когда сезон уборки картошки, не представляешь, всю жизнь покупая необходимое в супермаркете. Так что же делать, если ты даже не фермер, а практически подневольный слуга и никому тут твои нововведения не сдались, потому что существуют цеховые правила и любого нарушившего их отдают под суд? Да и страна вовсе не Россия, история мало похожа на ту, что из учебников. Впрочем, еще неизвестно, лучше ли было бы очнуться в качестве крепостного мужика в восемнадцатом веке, обремененным женой и кучей детей. Главный герой? Хорошо бы у такового хотя бы за спиной удержаться, пока он пользуется твоими идеями.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2449-8

Часть первая

СЛУГА

Глава 1

ПРИШЕСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА ИЗ БУДУЩЕГО

Еще раз осмотрел туфлю. Все в лучшем виде. Мадам Стевин останется довольной. Самому приятно, когда вместо грубых фермерских башмаков с многочисленными заплатками приносят изящную женскую обувь. Работа более тонкая, зато и результат выйдет намного удачнее. Слух пойдет наверняка — ведь не разболтать местные сплетницы не способны. В нашей семье дети бегали босыми лет до двенадцати, а потом сами тащали себе обувь. Естественно, под руководством отца. А кто не мог, тот ходил и дальше без башмаков. Правда, на моей памяти такого не случалось ни разу, хотя качество изделий было неодинаковым. Мои творения выходили достойнее, но все же не шедевр. А здесь и такого мастера не найдется.

Круг заказчиков, убедившихся в моем умении, стремительно расширился. И уже не какая-нибудь батрачка пришла с просьбой, а уважаемая хозяйка. Рваная обувь если и не смотрится после моих рук новенькой, то хотя бы еще послужит и выглядит добротнo. Уж лучше, чем тащить в Де-Труа¹ за много лье отсюда и чинить за двойную плату. Мне можно меньше заплатить, но это уж как получится. Все равно пять-шесть су в моих обстоятельствах совсем не лишние, а последнюю неделю ни дня не проходит, чтобы не занесли хоть что-нибудь. Причем тащат сразу по несколько пар, так что работаю на всю семью сразу.

¹ Так изначально назывался Детройт, основанный французами. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Если бы еще Мари не была такой сквалыгой и вечно не косила. Даже подкатиться пыталась, будто я чего-то должен. Но это ей обломится. В свободное время имею право хоть чем заниматься. Она это знает и норовит специально придумать дополнительную работу, раз не желаю делиться. Хорошо еще старый Жак нормальный человек, с понятием и поставил ее на место. Но, чую, будут еще неприятности. Даже деньги дома не храню. С нее станется забрать и потом разводить руками.

Глэн застонал протяжно и зашевелился. Кажется, очухался. Или нет? Смотрит с исключительно тупым видом. Что-то пробормотал невнятно. Я встал и взял кружку с сидром. Помог Глэну приподняться и сунул кружку. Он жадно выхлебал все содержимое и с облегчением вздохнул. Потом посмотрел на меня с испугом и опять произнес нечто невразумительное. Похоже, все еще бредил.

— Не врубаюсь, — сказал я чистосердечно.

— Франсе? — изумился он.

— А ты, милоч, на каком беседовать желаешь?

Он опять начал нести какую-то муть.

— Не придуривайся. Кто всю жизнь прожил мошенником, вряд ли умрет честным человеком, — машинально выдал я старую поговорку, многократно слышанную от матери. — Кто ж тебе поверит?

— Говоришь на английском? — Глэн аж подскочил, услышав меня.

— Ну вабче, — продолжил я на своем наречии. — Совсем умом поехал. Нашел кого пытать на ентот счет. Тебе-то зачем знать, парижский прыщ?

— Не понимаю, — произнес он с усилием (я видел, тяжело ему еще разговаривать), но определенно не на обычном жаргоне нищих трущоб прекрасной Франции. Она таковая, безусловно, и есть, разве что не для всех. — Где я? — Опять на английском!

Мне в жизни много раз приходилось слышать разные языки. И в Ливерпуле, и в Лондоне, и в Новом Амстердаме. По правде говоря, отъедешь на несколько лье от деревни — и там уже не имеют понятия о соседнем графстве и говорят иначе. Поневоле пришлось научиться всяких разных понимать. Я с

кем угодно объясниться способен. Хоть ланкашир, на котором изъясняются вокруг моего родного города, кокни с джорджи¹ или нормандский с валлонским. Даже парижский жаргон Глэна сложности для меня не представлял. Так что понять при желании любую корявую речь не проблема. Скорее развлечение. А за Глэном сроду талантов чужие языки разбирать не водилось, пусть имечко и не франкское.

— В сарае, красавчик.

— В сарае? — В глазах идиотское выражение недоумения.

— А ты кумекал — во палате? — хмыкнул я. — За свои грешки мог бы и с пеньковой тетушкой близехонько спознаться. Скажи Господу нашему огромное «спасибочки», что не приняли за насильника. Ты ж, дубарь, и воровать не умеешь! Спалился на раз, отделался поркой. Даже не кнутом — плетью. Убей не пойму, че пожалели. Одно слово — методисты. О душе беспокоятся. Правда, не знаю — своей или твоей. По мне, одинаково без пользы.

— Меня били? — морща лоб, переспросил он. Похоже, особо ничего из моих слов не уловил.

— Тебя пороли.

— Ничего не понимаю. — Он опять понес бредятину. — Это не Россия?

— Ты начинаешь надоедать, — сказал я, поднимаясь. — Уже не смешно изображаешь потерю соображалки. По кумполу не били — спина за все расплатилась.

— Скажи!

— Мы с тобой на ферме Жака Сореля, что в колонии Канада возле Де-Труа в Соединенных Королевствах под скипетром короля Людовика Шестнадцатого.

— Де-Труа... Канада... Какой год?!

— Тыща семьсот восемьдесят четвертый от Рождества Господа нашего.

Он завыл без слов, качаясь в полусидячем положении на нарах. Кажется, натурально сбрендил, не косит. Ну ниче, кидаться начнет — недолго и в морду кулаком.

¹ Разные диалекты английского: л а н к а ш и р — язык побережья Ирландского моря, к о к н и — язык низших слоев Лондона, д ж о р д ж и — наиболее нормативный диалект, но отличается отверждаемым «г» на конце слова.

О! Топают кто-то. Шаги хорошо слышны по здешней грязи. Не иначе, Жак пришел с приглашением. Я выглянул за дверь. Ну так и есть. Пришла, видать, пора. В руке топор.

— Как этот? — спросил старый, кивая в темноту сарая за моей спиной.

— Очнулся. Только, кажись, умом тронулся. Ладно не узнаёт — так вдруг франкский забыл.

— Че, правда?

— Святой истинный крест, — машинально осенил я себя знамением, — по-английски заговорил, рыжий козел.

— Притворяется, — уверенно сказал Жак. — Ему не впервой жульничать.

— Да вроде не похоже.

— А, поживем — увидим, — махнул он рукой. — Ну, ты готов?

— А нам-то че? Нищему только подпоясаться, — сказал я, демонстрируя заранее остро отточенный нож.

Это не мой, хозяйский. А вот точило собственное. И доверять заточку никому не собираюсь. Тут главное — правильно выдерживать угол. Привычка нужна, иначе недолго испортить хорошую вещь.

— Пошли.

И мы отправились в свинарник, где дожидалась своей участи уже с утра загнанная в отдельное стойло некормленная свинья (а оно кому-то надо — резать свинью с полным кишечником?). Дело, между прочим, совсем не такое простое, как иным кажется. Многие предпочитают попросить умельца, чем самим возиться. Ты попробуй грохнуть эту скотину с первого раза, и тогда увидишь. Бить надо для начала по голове, в лобную часть. Чуток промахнешься или не вложишь нужной силы — и визгу с беготней обеспечена полная корзина. Еще ведь смотрят и ухмыляются, будто сами лучше справились бы. Ниче, примериваясь обухом к глупо пытающейся найти жрачку в корыте черной свинье, подумал я, это мы можем.

Бац! В тютельку. Свинья молча свалилась. С трудом перевернул тушу на левый бок, поднял правую ногу, доверив Жаку ее придержать. Нашупал сердце по ударам и вогнал в артерию нож одним движением. Обычно режут к Рождеству, но хозя-

ин намеревался закоптить еще и колбас. Кишки с требухой выбрасывать нельзя. Мало кто из соседей делает колбасы: дорогое удовольствие. Кроме специй и соли еще и селитра нужна. Скоро Рут замуж отдавать, и положено гостей хорошо принять. Потому сегодня даже не одна, а три свинки в расход идут. Работы предстоит немерено.

Когда свиной подтащили к дому, Жак отделил ножом сухожилия на задних ногах и вставил распорки. Совместными усилиями туши повесили на балки, выступавшие из-под навеса крыши. Потом всей семьей носили кипяток с кухни и ошпаривали. Я взрезал и осторожно извлек внутренности, а девочки тем временем скребками убирали щетину. Сегодня трудились все. Вообще странно это. Рут почти на девять лет старше двойняшек. И это не значит, что мать ее, Мари, не рожала. Почему-то не выживали дети. Потом вдруг сразу двойня. Мальчик с девочкой. Наверное, отмолила грехи, хотя, по мне, если она сейчас достойна, то что было раньше? Жуть.

— Завтра с самого утра продолжим, — сказал Жак, глядя на меня.

Я вежливо промолчал. Еще не хватает давать указания при всей семье, даром что Кэтрин притомилась и спит, а Том тоже изрядно устал, пусть и готов трудиться хоть до рассвета. Все же дети. В конце концов, это не первая убоина у хозяина. Не хуже любого знает: для изготовления колбас необходимо брать безукоризненно свежее мясо. И не на жаре полежавшее, естественно. Если учесть выпавший вчера снежок и позднее время, все идет правильно. А полезут во двор из леса какие любители полакомиться мяском — так аж два пса имеются.

Утром стоило зашевелиться, и раздался просительный голос. Причем опять на паршивом английском:

— Послушай, как тебя зовут?

— Дик Эймс, к вашим услугам, монсеньор, — ответил я, старательно кланяясь. В полумраке, привыкнув, наверняка увидит. — Чего изволите? Откушать деликатеса или еще че? Горшок серебряный после ночи не желаете? Прямо сейчас сбегать!

— Я очень прошу меня выслушать, — тщательно выговаривая каждое слово, произнес он, не иначе всю ночь готовился.

— И чего тебе надобно, козел рыжий?

— Понимаю, звучит дико, но я — не он. Не тот, которого ты знал. Он вчера не очнулся. Непонятным образом моя душа вселилась в это тело. Я — Василий Строгов, родился в стране Россия в одна тысяча девятьсот девяностом году и помню себя до сорока двух лет.

Тут уж я не выдержал и заржал в голос.

— Молодец! — сказал, вытирая выступившие слезы. — Такой байки мне еще не приходилось слышать. А по жизни встречал больших забавников.

— Это правда! — вскричал он, дернувшись, и невольно вскрикнул, скривившись. Спина пока еще не в порядке.

— Ага. Как это ты народился в будущем, когда оно не пришло? Нет его! Или как?

— Не знаю! — В голосе его сквозила боль. — Последнее, что помню, — как в лоб по трассе идет грузовик.

— Кто идет?

— Машина такая. На колесах.

Телега, что ли? Раз груз.

— Я находился в другой машине, а он пер по встрече.

Сказал, а чего сказал — пес знает.

— Должно быть, умер тогда.

— Ага. Умер.

Ну вообще. В холодную воду, что ли, окунуть его, чтобы жар сбить?

— Не знаю я! Может быть, Господь решил, что я должен изменить свою жизнь, может, окружающий мир!

— Ты бы насчет Бога пасть защелкнул, ежели не мечтаешь под церковный суд пойти и уже кнута попробовать. После Фронды ни католики, ни протестанты поминающих зазря не любят. Жечь, правда, перестали, но в колонии высылают по-прежнему. Э... ты, собственно, к какой конфессии относишься?

— Православный, — сказал он как-то не особо уверенно. — Меня крестили в детстве.

— Православный — это чего?

— Ну ортодокс. Как греки.

— Тогда Символ веры прочти.

— «Отче наш, иже...» — Тут он запнулся, что особого доверия не вызвало.

— Это на каковском? — уточнил я. Опять какой-то чужой язык.

— Так на русском! — воскликнул он со слезой в голосе. — В России на нем говорят. Это на востоке. За Балтикой. Германия, потом Польша, Скандинавия и Россия. Иван Грозный, Петр Первый. Англичане плавали искать северный проход в Америку и в Тихий океан.

— Переведи.

— Чего? Тихий океан?

— Молитву, недоделанный.

Перевел. Может, он просто правильных слов подобрать не может? Или еретик? Совсем весело. Ну и пес с ним. В наших краях сойдет. Тем более что он католиком записан, а кюре в Де-Труа отсутствует. Исповедоваться некому.

— Да, а зачем на север плавали? — уточнил я. — Через Атлантику в колонии добираться проще.

— За перцем и другими специями, — ответил он, запнувшись. По-моему, просто не вспомнил, как эти «другие» называются. — В Индию. По морю, мимо осман. Ну турок ты хоть знаешь?

— А, Османская империя. Кто же не знает.

Воевали, воевали, да все невывоевали. А в Индию Габсбурги не пускают. Мало им Южной Америки — все норвят захапать.

— А татар?

— Так бы и сказал про Тартарию. А то какие-то Айвен Террибл¹ и Россия... Ну чего замолк, ври дальше, да не завирайся.

— Я правду говорю, клянусь!

— Допустим, поверил, и как проверить? Из будущего — должен знать, что будет. Ну со мной все ясно, вряд ли в книги попал. Не стану выяснять, когда герцогом стану. А вот Людовик Шестнадцатый когда изволит почтить навечно? Сколько

¹ Иван Ужасный (Отвратительный) — британское прозвище Иоанна IV, которому позднее и в России добавили кличку Грозный.

же можно трон греть, пора наследнику уступить. Дату скажи, будущник.

— Не знаю я ваших королей!

Я рассмеялся:

— Вот и конец твоей красной байки. Но не журись, выступил удачно.

— Я знаю другое! Много знаю. Полезное.

— Давай, — кивнул я. — Выкладывай. Только чтобы полезное и легко проверяемое.

— Дай, пожалуйста, нечто острое, — сказал он после длинной паузы.

— На, — протянул я ему шило. — Сломаешь — шею сверну.

— Я был финансовым директором крупной компании, — лихорадочно бормотал он, корябая прямо по нам. — Компьютеры здесь неуместны, но кое-что еще застал.

Половину слов я не понимал, но с интересом посмотрел на результат деятельности, пропуская мимо ушей фразы. Рисовать он, прямо скажем, не умел. Сетка с кругляшками.

— И че енто?

— Счеты! Простейшее устройство для выполнения арифметических действий.

Похоже, он где-то видел абак¹. Но не запомнил внешнего вида.

— Это деревянная рама, — показывал он меж тем, — здесь проволока, и на нее нанизаны костяшки или деревяшки. Можно сделать на любое количество. Вверх от единственной до четырех счет возрастает от единиц до сотен тысяч, вниз десятые и сотые доли. То есть когда лавочник считает, получена от тебя одна монета плюс шесть, плюс четыре, — принялся он двигать рукой, демонстрируя. — Доходит до десятка — одна выше. Так можно отнимать, умножать или делить. Могу показать. Гораздо проще и скорее, чем в уме или на бумаге! — В голосе его звучало торжество.

— Почему десять? — спросил я.

— Ну как? — Он растерялся. — Это же удобно — десятками считать. Да и любую монету делят на сотню мелочи. И доллар, и рубль или евро.

¹ Счетная доска в Древней Греции или Древнем Риме.

— Ты и впрямь ненормальный, — подумав, сказал я. — Люди считают дюжинами. От количества суставов пальцев на одной ладони, исключая противостоящий, большой палец. Но главное — ливр делился на двадцать су или двести сорок денье. Кроме того, существует луидор, равный двадцати ливрам, экую — трем ливрам и лиард в восьмидесятую часть ливра или в три денье. В Англии двадцать шиллингов или двести сорок пенни равняются одному фунту стерлингов, а одна гинейя — это двадцать один шиллинг¹. Как оно в твоих кошачках выйдет?

Он замычал с выпученными зенками, хватаясь за голову. А мне вот кое-что изрядно прояснилось. Только абсолютный дурак мог надеяться поразить кого бы то ни было подобным образом. Ну хоть какое-то понятие о деньгах у каждого барана существует. А значит, он не имеет знаний о простейших вещах. Но при этом уверен в своих высказываниях. И что это означает? Полагаю, присутствие в теле Глэна новой души. Или хотя бы ума. И что дальше? Какая мне с того польза и радость? Хм... Вот насчет счастья неизвестно, но хоть развлечение.

Тут в сарай влетела недовольная Рут и с порога принялась возмущаться моим ужасным поведением. Мамаша послала ее за нами. Уж больно задержались. Посмотрела на Глэна без особого интереса и упорхнула.

— Что она сказала? — спросил тот.

— Жрать в дом зовут, — ответил я, делая очередную зарубку на память. Франкского он не знает. Можно, конечно, изобразить тупое выражение лица, но не верится. Хотя посмотреть в дальнейшем не мешает. Не первого жулика в своей жизни вижу — иные притворяются, чтобы знать, о чем говорят за их спиной, не стесняясь. — Давай поторапливайся, — швырнул я ему одежду. — Хозяйка не любит долго ждать, а она та еще стерва.

¹ Для понимания: Соединенные Королевства сохранили отдельные монетные дворы, и денежные системы различаются. Что и неудивительно. В реальной истории во Франции было то же. Даже меры веса или длины отличались в разных областях, и каждая область имела свои законы, а также таможи. Чем очень гордились местные жители, как сохраненными правами и привилегиями.

— А почему, — уже на улице спросил он, вертя головой по сторонам, — живем в сарае, едим вместе?

— Потому что они методисты, а мы — нет, к тому же хозяйева, а мы с тобой кабальные слуги. Че смотришь?

— Надеялся увидеть электрические провода, — унылым тоном ответил он.

— Ты пасть закрой, а лучше зашей на все, кроме еды. А то будешь говорить бессмысленные слова — недолго и в шахту угодить, чтобы не раздражал. Продадут, и вся недолга.

— Мы — рабы? — с ужасом воскликнул он.

— Заткнись, — зашипел я, пихая его в дверь.

Вот в чем нельзя упрекнуть хозяев — так это в отсутствии набожности. То, что в молитвенный дом они по воскресеньям в коляске едут, а я сзади топаю, — ладно. Но ведь и перед едой не просто благодарят Господа за хлеб, нам посланный, а нудят долго и старательно. Я давно привык, а этому типу все откровенно в диковинку. Опять башкой крутил и аж рот в изумлении открывал, будто сроду не видел печки или окна.

Наконец все сели за стол. Каждому отдельная глиняная миска, и сразу накладывают, а не как привычно из общего котла. В том есть определенное удобство. Не требуется ждать своей очереди. И старший не сожрет больше, оставив младших голодными. У всякого своя, точно отмеренная порция. Да и не встают здесь с пустым брюхом. Кормежка хорошая, одинаковая для всех. Хлеб, картошка, овощи, мясо — обычное дело. Особенно когда есть возможность сбегать в лес. Ружье мне доверяют не всегда, но и силков с прашой хватает поймать зайца или сшибить тетерева. А когда идут перелетные птицы, так и вовсе не охота, а сплошная бойня. Все небо бывалоча заслоняли дикие голуби и гуси. Можно сеткой ловить или даже камнем бить, так их много.

Ну и рыба, естественно, по постным дням. Иметь рядом реку и чтобы без нее остаться? Верши, сеть. Когда на нерест идут, впору ведром черпать, так ее много. Мне в Англии и в голову бы не пришло, что рыбой-бешенкой можно удобрять огороды. Воняет жутко, зато и урожай немалый. Мы в Ливер-

пуле за милую душу умяли бы вместе с костями. А здешним — лишняя. Ни съесть, ни продать. Вот и нашли применение.

Богатейший край! И земли пока полно, как бы ни плакались на утеснения. Правда, и работы хватает. Целину поднимать здорово наломаешься, прежде чем обустроишься. По закону же положено в течение пяти лет освоить и дом построить, иначе король отберет. А приживешься — так начинай налоги платить. Вон Жак обещал, ежели все сложится, замолвить за меня словечко и выбить кусок. Только это вряд ли. Ему к той поре Мари точно в ухо напоеет, что в качестве арендатора я выгоднее. Того не ведает, что мне нож вострый на месте сидеть и землю пахать. Коли умею, не означает люблю на земле вековать. Натуру не переделаешь. Да я помалкиваю допрежь срока.

Ели торопливо, разговаривали мало. Я исподтишка наблюдал за Глэном. Есть в нем нечто неуловимо господское. Даже ест, отрезая по кусочку. И не чавкает. Не так себя ведет, совсем иначе смотрит, и это убеждает сильнее всего. Он, может быть, способен красно врать, да поведения не подделать. Одеть иначе — и натуральный джентри¹ по выражениям и обращению.

Внезапный вопрос застал врасплох. Поскольку Глэн и не подумал реагировать, увлеченно жуя, пришлось срочно вмешаться.

— Он после порки слегка сдвинулся и франкский забыл, — объяснил я на случай, если Рут новости не изложила, прежде чем хозяйка взбеленится.

— И как с ним говорить? — с подозрительным видом спросила Мари, принявшись изучать несчастного.

Вид у него не лучший. Все же спал он с тела серьезно. И так был не богатырь, а после болезни одежда как на чучеле. И бородка его козлиная, прежде тщательно лелеемая, висит натурально на манер козливой.

— На английском.

— Так по голове же не били!

Дети радостно прыснули. В отличие от них, Жак сразу понял неудобство:

— Что, совсем?

¹ Мелкопоместный дворянин.

— Ну, отдельные слова знает. Очень мало.

По крайней мере «да» и «нет» — точно.

— И зачем нам такое? — обычным скандальным тоном потребовала Мари. — Ведь говорила, ничего хорошего от этого ждать нельзя. А ты настоял!

Судя по взгляду Жака, он тоже не страдал выпадением памяти и не хуже моего помнил, кто настоял на покупке и по какой причине. За Глена сущую мелочь просили, сразу предупредая о лености и склонности к воровству и обману. Погналась хозяйка за дешевизной и теперь ищет виноватого.

— От него сейчас все равно пользы никакой, — поспешно произнес я. — Слаб еще. Пусть отлежится пару дней. Может, придет в ум. Так-то он нормальный. Глупостей не говорит.

Это, конечно, откровенное вранье.

— И послушный. А ежели че, так завсегда с удовольствием переведу.

Покосился на обсуждаемого, а у того глазки так и бегают. Кажись, сообразил: о нем речь идет. А вот на понимание не похоже. Все мне в лицо норовит заглянуть. Хорошо хоть хватает мозгов не вступать в разговор.

— Ладно, — переглянувшись с женой, согласился Жак. — Так и сделаем.

Он поднялся, давая знак остальным.

— Глен, — сказал я тихо, чтобы не слышали остальные. Уверен, никто английского не знает, однако слова знакомые попадают, а береженого Бог бережет. — Иди назад в сарай и сиди там тихо. Спи. Сон — лучшее из известных лекарств. Завтра-послезавтра придется на работу идти.

Глава 2 ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Все очень просто: подошел к туше, провел ножом вдоль хребта — и снимаешь мясо с ребер. Остальные волокут куски на кухню. Рут режет большие полосы на более мелкие отрезки, их натирают солью и складывают в приготовленные зара-

нее небольшие бочонки, вновь засыпая и следя, чтобы мясо не касалось друг друга. Это будет солонина.

Лучшее, освобожденное от излишнего жира, очень тщательно разрубается на мельчайшую массу вместо с чесноком. Это пойдет в колбасу. Такое ответственное дело нельзя доверить молодой девушке, и Мари трудится сама. Плохо порезанное мясо влияет на вкус будущего продукта, и перебивать косточки соседки станут долго. Потому с хмурым видом показывает высокий класс. О, когда надо, она умеет делать что угодно! Просто предпочитает свалить наиболее неприятное на меня, раз уж с мужем не пройдет. Когда закончим, ждет вынос навоза и прочие радости. Сегодня было не до того.

Ага, время летит быстро. Первая хрюшка практически закончилась. В плите пламя не гасили, и, когда дошло до среза остатков с костей и ножек, Мари отправила их запекаться. По окончании трудов праведных ожидается небольшой праздник чревоугодия.

— Эй! — крикнул я поздним вечером, отмывшись и получив подарок, распахивая ногой дверь родного сарая-пристанища. — В первый и последний раз тебя лично кормлю, и то потому что сам велел не высовываться.

К столу Глэн запрыгал достаточно шустро. Видно по движениям: спина болит, надо на ночь намазать еще, однако уже не беспомощный умирающий. И за ребрышки ухватился как вполне здоровый. К ним еще печеная картошка — нормальный ужин.

— А почему днем не ели? — спросил невнятно.

— Зверь ест один раз в день, человек — два, и только ангелы едят в день трижды, — ответил я пословицей. — Это вы в своем будущем так обжираетесь? Видать, недурственно живете.

Он даже жевать перестал и забыл про мясо.

— Ты мне веришь? — жалобно проблеял.

— Пока доказательств не видел, милок. Может, ты и впрямь башкой повредился и сам веришь в эти сказки. Но хотелось бы чего-то, чтобы пощупать можно было. Руками.

— Я думал... Вот, например, колючая проволока.

Он схватил все то же шило и принялся вновь рисовать на многострадальном столе. Я запалил масляную лампу для лучшего освещения. Он сморщил недовольно нос. Ну да, пова-

нивает. Будто ему впервые нюхать. Черт меня возьми, а ведь вдруг и вправду впервые?

— У вас что, таких нет? — спросил его якобы невзначай.

— У нас электричество. Помнишь, я с утра смотрел, где провода?

Ничего я в очередной раз не понял, ну да ладно. Глядишь, позже разберусь. Расспросить несложно — любопытно, что он мне тут изобразил. Ага, делается шип из проволоки, затем обматывают еще вокруг одной. Ни одно животное не полезет через такую ограду, если много колючек. Человеку тоже затруднительно. Придется рубить. Если она толстая и где-нибудь в пограничном форте по стене пустить, перелезть уже много сложнее.

— Вот! Чтобы скот держать в открытом загоне.

Чем больше мы с ним беседовали, тем легче становилось улавливать его странную речь. Даже если о значении большинства слов скорее догадывался. Не впервой. После некоей толики общения перестаешь мысленно переводить каждое слово и начинаешь понимать по смыслу.

— Совершенно не очевидно, чем это лучше обычных заграждений из кольев или забора, — говорю вслух, чтобы посмотреть на реакцию. — Еще в производстве значительно сложнее и стоит раза в два, а то и в три, если учесть дополнительный труд, дороже. Ты вообще знаешь, сколько проволоки стоит толщиной, чтобы не порвал бык даже с колючками?

— Нет, — облизывая сухие губы, сознался рыжий.

— Да и для леса штука неудобная. Согласен, на равнинах, где деревья мало, полезно. Две палки — и натянуть три линии. Поверху, в середине и внизу. Наваливаться животные не станут: больно. Но где те равнины, а где мы. Кому надо платить вдвое в лесу? Бесполезно.

— Прости, Ричард, — сказал он после паузы. — Сколько тебе лет?

— Можешь звать Диком, не обижусь. Семнадцать скоро будет, а что?

— Читать, писать умеешь?

— Ну имя свое написать сумею. Вывеску прочитать тоже. Газеты в прежние времена от корки до корки изучал. Книги — нет, не сподобился. А че?

— И ты деревенский?

— Почти.

— Это как?

— Вот и мне любопытно — к чему это?

— Не может молодой парень вроде тебя из села так рассуждать. Слишком большой кругозор для мужика.

Ну, последнего я опять не понял, хотя догадаться можно.

— Я — пэйви¹.

— Извини?

Нет, похоже, не слышал, не придушивается. Все забавнее и забавнее.

— Мы — полукочевники, живущие в королевстве. Испокон веку промышляем мелкой перепродажей (купили где-то подешевле, продали в другом месте подороже), лужением и пайкой медной посуды, починкой обуви, чисткой дымоходов, ремонтом крыш, сезонными сельхозработами, торговлей лошадьми. Да мало ли чего требуется. Я могу что угодно делать. Никому не приходится ничто доделывать за меня.

— Джипсы?² Они же чернявые должны быть.

— Какие еще цыгане? Мы — пэйви и происходим от смеси шотландцев с ирландцами, говорим на гэльском со своими. А поскольку на одном месте сидим только часть времени, приходилось видеть всякое разное и с интересными людьми встречаться. Меня сложно всерьез удивить даже твоими рассказками. И не такое травили. Раньше приходилось ходить от Ливерпуля и до Лондона. Там полно иностранцев. Даже арабов с поляками видел, не говоря о немцах. Тоже под пиво иной раз загнут нечто про свои земли и оборотней.

Он что-то пробормотал совсем не по-английски.

— Ты это прекращай, Бэзил. Говори нормально.

— Ты назвал меня Бэзил — значит, веришь, что я другой человек из будущего?

— Не знаю, как насчет грядущего, а пэйви верят, что чужая душа может вселиться в младенца при определенных обстоятельствах. Ты у нас не дите, но вдруг старухи правду гово-

¹ Самоназвание шельты (им. п. — шельта) — так называемых ирландских цыган. Сейчас их в Ирландии около двадцати трех тысяч.

² Англичане называют цыган gypsies (от egyptians — египтяне).

рили? Может, и из другой страны. Мало ли что там на небесах решили. Может, ангел какой ошибся.

— А не черт? — с нервным смешком спросил он.

— Ну ты же при молитве присутствовал и даже крестился... — Правда, приходилось постоянно пихать его в бок, но то по незнанию языка, а не из-за зловредности. «Аминь» повторял за всеми честно. — Не сдох.

— И что теперь?

— Допустим, ты не врешь и нечто полезное можешь подсказать. Давай договоримся. Поскольку ты ни черта не соображаешь и говорить на нормальном франкском не способен, слушаешься меня как бога. Делаешь что говорю и вспоминаешь нечто, могущее позволить дать деньги.

Он молчал, кивая в подтверждение.

— Видишь ли, труд — хорошая штука. Он необходим для здоровья, так говорят все проповедники, и, бог свидетель, я никогда не боялся тяжелой работы! Но, как известно, хорошенького понемножку. Если есть возможность получить легкие деньги, отказываться не стану. Ежели так, тебя не брошу — выкуплю.

— А можно уточнить?

— Чего?

— Вот насчет кабальных слуг. Это что?

В очередной раз дивлюсь на неразумного. Как можно простейших вещей не знать?

— Наш всемилостивейший король, — в моем голосе невольно прорвалась язвительность, но этому без разницы, только глазами хлопает, не доходит ирония, — с некоторых пор запретил эмиграцию в колонии через Атлантику. Слишком много здесь собралось протестантов. Недолго и восстание при малейшем нажиме получить. Вторая Фронда ему на чих не сдалась. Однако для разгрузки Соединенных Королевств повелел лет тридцать назад высылать сюда преступников.

Ничего жутче невольничьего корабля не знаю. Многие сидели по несколько месяцев в тюрьме и ослабели. Потом их битком набили в трюм — и с выдачей червивых сухарей с тухлой водой отправили через океан. Каждый день с утра дубаков выносили и в воду кидали. Сам не видел, но говорят, за

такими кораблями всегда акулы идут. Выучили, где хорошая кормежка.

— Кто по мелочи вляпался, можно контракт у чиновника купить. Харчи и одежда за хозяином, а ты вкальываешь бес-
платно. Он же должен вернуть затраты.

Пауза. Кивнул. Все же небезнадежен.

— Определенный срок отработаешь — и вольная птица. Да только чужака подобного вида мало кто к себе возьмет. Вот и приходится таким частенько до самой смерти батрачить. Правда, уже за деньги.

— Что он сделал? Глэн.

— Откуда мне знать? Не принято такое спрашивать, и все равно не узнать, соврал или нет. На корабле каждый невинно осужденный. Все жалуются на судью жестокого. Наверняка своровал что-то. Камзольчик богатый, да с шиком. Пообтерся в тюрьге, но видно. Не мокрушник, или по крайней мере на том не ловили. Таких в королевские шахты отправляют или на галеры, а там долго не живут. Кабальные все больше по кражам.

Иной раз за такую мелочь в ссыльные отправляли, что тихий ужас. По закону три шиллинга вещь стоит — вора отправят в колонии. Так, поймали двух девок с платком за такую сумму. Нет бы поделить — обеим полностью цену приписали и через океан отправили. А девчонок жаль, не нищенки. Обычные горожанки, которым не повезло и искали, что бы такое стырить, чтобы сестер накормить. Впрочем, особе женского пола в колониях всяко жилось легче и проще. Особенно ежели не строили из себя высокородных и в Старом Свете проституцией не брезговали. Или умели себя подать правильно. На молоденьких иной раз женились солидные люди.

— Иногда на нищих и бродяг устраивают облавы. Всех подряд забирают на корабль.

Он опять кивнул. Видать, принял на мой счет. Нет, я-то как раз за преступление угодил. Не сказать, что ужасное — обычная драка с тяжкими последствиями. Он думал, крутой бандит. На мое счастье, не помер от ножевого ранения, хорошее здоровье оказалось. Может, впредь умнее станет и пэйиви в другой раз стороной обойдет. А меня, как малолетнего, су-

дья пожалел. Лучше бы, гад, в рабочий дом отправил. Оттуда сбежать можно. Отсюда куда сложнее до своих добраться.

— Я бы хотел уточнить...

Ну точно образованный. Эк выражается.

— Да?

— Насчет государства. Объединенные Королевства — это что?

— Ты же, милоч, из грядущего, нешто не в курсе?

— Без всяких шуток. Я помню Великобританию в составе Англии, Шотландии и Ирландии. Ну еще Уэльс с разными другими провинциями. Два острова целиком. А здесь что, Франция завоевала?

Ежели врун, то оригинальный. Хотя... теперь пророчества с него не требуешь. У нас все не так, и вся недолга! Тупой, да умный. Правильно сообразил.

— Война была, да. Лет пятьсот назад. Только никто никогда не захватывал. Это называется Великий Компромисс, хотя на самом деле, раз знать в королевстве английском общается на франкском языке, выходит, они и победили. Французы.

— Я не понял.

— После Азенкура, — пояснил я, тяжело вздыхая, — дочь франкского короля вышла за сына английского. Их наследник объединил королевства. Это в любой церкви тебе скажут. Давно всем обрыдло слушать молебны.

— А дофин и Жанна д'Арк?

— Не знаю никакой Жанны, кроме соседской старухи. И дофина не знаю. Франкский король был вроде тебя, абсолютный псих. Мальчики у него помирили, но сколько их было, не скажу. Я тебе монах, что ли, летописи учить? Про дочь все знают. От них династия пошла. Плантагенеты.

Он смотрел остекленелым взором. Вот уж непонятно, чего такого странного. Может, все же ненормальный?

— И что входит в Объединенные Королевства? — спросил он слабым голосом через минуту.

— Франция, Англия, Шотландия, Бургундия, Фландрия, Ломбардия, острова какие-то, колонии в Северной Америке.

— А почему не вся Европа? — тупо спрашивает.

— Так у Габсбургов тоже империя, — ответил я терпеливо. — Вечно с ними воюем. А на Балканах османы.

Посмотрел на его мучения, и захотелось врезать. Что и исполнил со всей дури ногой в зад. Он такого явно не ожидал и аж улетел в грязь.

— За что? — вскричал плаксивым тоном.

— Ты, урод, решил, я вечно за тебя работать стану? Ну ладно, запрячь коня не способен, про упряжь в первый раз слышишь, у вас эти... антамоби́ли. Сами бегают, токмо кнопочку нажми. Но ты же, паскуда, и коровы боишься. Даже навоз доверить вынести нельзя!

У Сорелей, между прочим, хозяйство отнюдь не маленькое: две лошади, четыре коровы, две нетели, четверо телят, одиннадцать овец, восемь ягнят, четыре свиньи, двенадцать поросят, утки, куры, гуси. Надо сказать, на кормежку уходит много зерна, но везти его на продажу частенько невыгодно. Поэтому и используется таким образом, а фермеры держат птичники и регулярно лакомятся яичницей. В Старом Свете ее наличие — признак немалой зажиточности.

Но пока что всю эту скотину надо кормить, поить, убирать за ней, готовить заранее не только корма, но и силос. Каждый год больше половины свежей, не сухой, травы хороним в специальных ямах без доступа воздуха. Ближе к весне открываешь, а зелень пусть потемнелая, комканая, да скотина ее принимает за милую душу. По три воза заготовили нынче на каждую животину.

Да и навоз на поля возим. У Жака какая-то хитрая система. Клевер с люцерной сажать — это знакомо и не ново. Но здешние завели четырехполье. Пар, озимая рожь, картофель, овес. На следующий год пар, озимая рожь, картофель (половину поля) плюс бобовые (тоже половину) и овес. Уж голодными точно не останемся, но таких урожаев картофеля я в Англии не видел вообще. Только стараться надо.

Зимы здесь, к счастью, недлинные, мягкие и снежные, а лето продолжительное и жаркое. Хотя по-разному бывает, но это уж как бог пошлет. Главное — стараться.

— Она бодается, — голосом маленькой обиженной девочки сообщил великий финансовый директор.

Теперь он полетел прямо в навозную жижу уже не от пенделя, а от кулака.

— За что? — сидя спросил изумленно.

— Чтобы разницу уяснил. Ее можно в ответ треснуть, чтобы усвоила, кто тут с головой. А меня лучше не пробовать. Да и остальных. Порка мелочью покажется, ежели на кого из хозяев руку поднимешь.

Он переделнулся. Прежний Глэн был ленив и скользок, но я с такими типами встречался и догадывался, чего от него ждать. Но этот... Беспомощный абсолютно. Хуже любого аристократа. То ему запахи не те, то лопата мозоль натирает. И все время за ним доделывай-переделывай да прикрывай. Надоел. Скоро сам удавлю, чтобы судьи не мучились.

— Вставай, — сказал тоном ниже. — Очень не советую нюни пускать на глазах остальных. Смеяться — это ерунда. Начнут ноги о тебя вытирать и бить смертным боем, пока не сдохнешь. За тебя заплатили живым серебром и пропасть ему не дадут. Да и я тебя, прыща заморского, учу не от хорошей жизни. Здесь никто не сидит просто так и не мечтает. Это ферма, и все работают с рассвета и до заката. Иной раз и в темноте, чтобы не только с голоду не сдохнуть, но и на продажу что-то иметь. У каждого свои обязанности, и если не станешь учиться, плохо кончишь. А у меня добавится проблем.

— Ты в моем мире тоже бы ничего не умел! — вскричал он возмущенно. — Даже чтобы простейшим механизмом управлять, требуется много знать.

— Полагаю, даже в столь замечательной стране кому-то приходится убирать навоз и подметать улицы. А также класть кирпичи и копать ямы. Уж я бы точно прокормился. Бери вилы, умник, и начинай осваивать здешний мир. Пока все не доделаешь, жрать не получишь. А Пеструшке, — сказал на прощанье, — можешь и кулаком. Животные поумнее некоторых людей будут и опаску моментально чувят. Враз наглеют.

Шагать по свежему воздуху и недавно выпавшему снежку было одно удовольствие. Тепло, красиво, отдыхаешь душой. В отличие от вечно страдающего Бэзила, я нисколько не мечтал проехаться в коляске. Напротив, сидеть в компании хозяйской семьи и слушать их разговоры — не самая большая радость. Тем более что они по воскресеньям имеют страстное желание склонить в свою веру. Зря, что ли, в церковь едем? Бесконечно делать тупой вид и упираться, ссылаясь на слова

пастора-праведника из нашего прихода, тоже невозможно. Лучше уж отдельно, ножками.

Да мне несложно было бы сходить к методистам, ничего не отвалится. Просто таким образом имею маленько дополнительной свободы. Вышло случайно: когда повязали, спросили — какой веры придерживаешься. А я точно знал, в какую церковь захаживает тамошний судья. Думал, к своему мягче отнесется. Наверное, с его точки зрения, так и было. Но в бумаге записали — и остался приверженцем основного религиозного течения в наших далеких краях. Большинство здешних как раз удрали от тамошней церковной власти, и еще и потому ко мне настороженно относятся.

Да плевать. Вот Глэн, к примеру, вообще католик. В Де-Труа таких едва десяток, и свой кюре пока не завелся. Жизни в наших Соединенных Королевствах вероисповедание не то чтобы не мешает, но лет полтора ста действует эдикт о свободе отправления обрядов всеми видами христиан. Тем не менее местные тонкости завсегда присутствуют. Англия, Нормандия, Бретань, часть Фландрии в основном протестантские, а остальные католические. Потому многие здешние перебрались из таких районов к своим за окiaan в прежние времена. А в церковь ходят частенько не молиться и слушать проповеди, а повидаться со знакомыми да посудачить о том о сем с людьми.

— Нет, — отозвался я в очередной раз на нытье Бэзила. — Ты точно псих.

— Но почему? — возопил тот.

Неужели действительно не понимает?

— Цеховые законы.

— И что?

— Каждый горожанин, — тяжело вздохнув от тупости собеседника, объяснил ему прописную истину в очередной раз, — состоит в цехе. Их множество, по числу профессий. Обычно нужно пройти четырехнедельный испытательный срок, после которого один из мастеров берет юношу на учебу, длящуюся четыре-пять лет, в зависимости от способностей и прилежания ученика. За него обязательно должны поручиться два члена цеха, готовые возместить ущерб, если юноша раньше срока бросит учебу. После окончания учебы ученик объяв-

лялся свободным, но еще месяц служил у своего мастера. И только затем мог наняться к другому, но уже в качестве подмастерья. И в учениках, и в подмастерьях хозяева имеют полное право обращаться с парнем как с собакой.

Не знаю, понял ли он. Такие вещи можно разве на своей шкуре почувствовать, но про забытых до смерти приходилось слышать, причем по абсолютно пустяковым поводам. Никто и не возмутится. Мастер изволил учить помощника.

Глэн думает, ему на ферме плохо! Не нюхал он нормальной жизни всерьез. Любого самого вольнолюбивого и умного при желании можно обломать. А если еще и держать впроголодь, почти все станут прыгать по команде без раздумий.

— Если кто выучился профессии вне цеха, ему все равно приходилось наниматься в ученики к местному цеховому мастеру. До проверки доходит не так скоро. Скажем, чтобы получить звание мастера, нужно было в присутствии других членов цеха выпечь пшеничный хлеб, булку и крендель. Причем строго определенного вида, размера и веса. Нарушителя цехового закона запросто могли изгнать из города. В прежние времена и вовсе топили в мешке, сейчас посвободнее стало. Надеюсь, все ясно насчет предложенной булки с изюмом?

— Ну а что они сделают, если купец продаст?

— Очень даже следят, чтобы им заработок не перебивали. Кустарей отлавливают и сажают в тюрьму. Вот со смежными профессиями воюют регулярно. Оружейники со слесарями и кузнецами, цирюльники с хирургами. Лет пять назад в Лондоне один коммерсант продал другому партию сапог. Цех подал на него в суд. По закону сапожники могут продавать свой товар, а не кто-то другой.

Дело было громким. Купцы тоже не дураки и подсутились со встречным протестом. Они соглашались, что и вправду не имеют привилегии на торговлю сапогами, но требовали указать, где в их правах есть запрет. У них привилегия на все, подпадающее под определение «товар». В результате все остались при своем, однако денег и нервов друг другу попортили огромное количество.

— Хм, — подавился очередной глупостью Бэзил, уставившись вниз с пригорка, на который мы заползли.

Посмотрел — не дошло, что же это его удивило.

— Это Де-Труа? — спросил он с каким-то ужасом.

— А что?

— Но это же большая деревня!

— Человек восемьсот, считая с детьми. Какая ж деревня?

Кого угодно можно найти, кроме крестьян: кожевники, винокуры, гончары, шорники, колесные мастера, краснодеревщики и кузнецы. Даже три церкви, и места уже для всех не хватает. Еще и фермеры на праздники приезжают постоянно.

Он опять замычал, как в первый день, разве что за голову хвататься не стал. Все же не мешало бы его приличному доктору показать. Может, и правда с мозгами непорядок. Только как это определить, коли череп целый? И кто станет платить? Точно не я.

Отвел слабосильное недоразумение в таверну к Мюнцеру. Тот даже не узнал хорошо знакомого человека. Первое, что этот сделал, — сбрил свою козлиную бородку. Причем моей, естественно, бритвой, получив в очередной раз по шее за забывчивость. Спросить и не подумал. В этом смысле ничуть от Глена не отличается.

— Дай ему выпить, — говорю Мюнцеру, — поест за мой счет. И того, и другого не слишком. Чтобы на ногах нормально держался. И особо не приставай, он все равно перестал франкский понимать.

— Не врут?

— Не-а. С головой у типчика явно неладно. Вечно несет какую-то чушь. В первое время креститься на другую сторону принялся.

Он посмотрел с подозрением.

— Господь свидетель, — поклялся я торжественно. — Пришлось по рукам бить, а то совсем дико смотрелось.

— А, — Михаэль махнул рукой, — мне-то что. Сделаю. А ты заходи обязательно. У нас приезжие со вчерашнего. У меня остановились.

— Постараюсь.

Мы прекрасно друг друга поняли. Не в первый раз гостей окучиваем совместно.

Сдал Глена с рук на руки и отправился на воскресную проповедь. Честно говоря, лучше бы вздремнул на ферме, но от

некоторых вещей не отвертеться, ежели не хочешь, чтобы на тебя косились.

В общем зале к моему возвращению собралась молодежь. В гостинице, она же трактир, пересекаются все, в отличие от церкви. Естественно, кого совсем уж не запирают в доме. Танцы по воскресеньям, разговоры и не без пригляда. Все лучше, чем в темноте обжиматься и алкоголь хлестать, а потом бошки друг другу разбивать. Здесь Мюнцер такого не допустит и лишнего не нальет. А понадобится — в момент буйного выкинет.

Он служил в армии сержантом и морды умеет бить замечательно. Тем более что и сам здоровый бык. А для особо сложных случаев под прилавком дубинка. При мне извлекалась всего однажды: Михаэль того случайного приезжего изувечил, сломав руку, ногу и сколько-то ребер. Жители Де-Труа об этом помнят и не возникают, когда их просят вести себя спокойно.

В задней комнате уже вовсю шлепали картами. Парочка молодых оболтусов из местных, с ними за столом, судя по виду, возчики. Красномордые здоровые ребята, обычно через одного поперек себя шире. Драться с такими удовольствие малоприятное. Зашибут. Правда, если попадут. Бьют они обычно с плеча во весь размах, и всегда есть шанс увернуться. Или сбежать. Гнаться такие лбы обычно не умеют и быстро устают. Гора мяса как-то странно соседствует с одышкой.

Мишель прошла мимо с кувшином и будто ненароком толкнула бедром. Хорошая девка, грудастая, и есть за что подержаться. А горячая! Еще бы так не любила дорогих подарков, на которые у меня особо денег не имеется, — и вовсе была бы золото. Ну тут уж ничего не поделаешь, ежели танцуешь, то и скрипачу платить должен.

— Почему все девки на тебя вечно западают, Дик? — ничуть не понижая голоса, спросил Клод.

Точнее, скорее всего, он думал, что негромко. Просто подмастерье в кузнице то ли от своей работы, то ли от рождения, я же не местный, имел пониженный слух и вечно орал. Тайны доверять ему не стоило. Не потому, что не умел держать при себе, а тут же услышат на другом конце города. Вот и эти головы подняли. Я вообще симпатичный, веселый и щедрый. Ну еще, наверное, разговоры ходят. Никто в здешних краях пэй-

ви не видел, но слышал всякую ерунду каждый. А женщины падки на красивое, да и любят опасных парней. При условии, чтобы об этом никто не узнал.

И важно никогда не лапать сразу. Иногда полезнее делать равнодушный вид и поулыбаться ее подружке. Сами начинают напрашиваться. Вот тогда и зажимаешь в каком-нибудь тихом неприметном уголке. Она, конечно, слегка сопротивляется, для виду, но не сильно, так чтобы ты ни в коем случае не прекращал. Она не против, однако больше всего боится огласки, а я еще ни разу лишнего не сказал. Понятно, к солидным мадамам не подкатаешься запросто, но девушки с ферм и разная прислуга вниманием не обделяют.

— Надо не стесняться говорить комплименты.

— И все?

— Мне хватает.

Клод с досадой швырнул карты на стол и поднялся.

Один из мордатых, радостно гогоча, потянул монеты к себе. Другой внимательно посмотрел на меня:

— Не желаешь?

Не торопясь я отпил свое пиво.

— Я, парни, кое-что повидал, потому прежде, чем сесть, хочу правила установить.

— И какие?

— Играем до окончания денег, — выложил я на стол горку радостно зазвеневшего серебра, — или до заката. Не люблю требований отыграться.

— Ты так в себе уверен? — спросил, прищурившись, тот, что вроде имел немного ума, в отличие от напарника.

— Он может, — заявил Шарль, хлопнув меня по плечу.

Этот хоть не возчик, но габариты имел ничуть не хуже. И, в отличие от остальных, уже в возрасте. Просто дома у него давние проблемы, и последнее время он начал заливать их вином. Широко размахнулся, строя мельницу и лесопилку, а доходов чуть. Весь в долгах.

Постороннему скажи — очень удивится. Свозили молотить от одиннадцати фермеров, из четырех деревень, да и в городе у многих поля. В наших местах с ремесла не очень проживешь. Народу мало, и торговля соответственно не шибкая. Так, с каждых двадцати мешков два мельник по закону остав-

ляет себе. Живи и радуйся. Ничего подобного. Один у него забирали в счет королевской доли, а со второго приходилось платить массу всякого разного. За мельницу, право молот, местные выплаты, церковь не забудь. Католическая требовала обычно десятину — своей отдавать меньше неудобно. В результате богатством там не пахло.

Есть у меня подозрение, что Шарль мои фокусы понял, хотя я старался регулярно их не повторять и часто не стричь даже чужаков. Кстати, исключительно по наводке Мюнцера. Он в своих постояльцах быстро разбирался и на считающих каждое су не натравливал. А вот богатых и наглых крепко не любил. Чем-то те задевали его нежную душу. Плевать в еду не стал бы, однако с удовольствием чистил карманы. Ценами и отношением.

Вряд ли уловил Шарль, как я лохов раздеваю, но, в отличие от остальных парней, выводы сделал. Потому готов подержать.

— Из наших игроков, почитай, самый лучший. Если сядет, то я на пару сыграю, — сказал он и похлопал по карману. Там нечто обещающе звякнуло. — Тогда давайте начнем.

— Не вашей колодой.

— Ты обвиняешь нас в шулерстве! — поднялся во весь немалый рост один из возчиков.

— Ни в коем разе, уважаемые, — демонстративно допил я пиво. Ну вот видишь, я вовсе не собираюсь драться. Хотя, ежели понадобится, кружка тяжелая, и хороший напиток расплескать было жалко, а теперь дно видно. — Просто она уже старая и липкая. — И я улыбнулся.

Сзади подошел и встал Глэн. То есть Бэзил. Уж его сопения ни с чем не спутаю. Не знаю, будет ли от него прок в драке, но повел он себя правильно.

— Твоей предлагаешь?

— Да ни в жисть! У Михаэля есть несколько колод нераспечатанных.

— Сам и заплати! — потребовал возчик. — А я выберу.

— Это честно, — соглашаюсь, — но карты мне останутся.

— Идет.

Уже в темноте нас с Глэном проводили несколько изрядно выпивших парней. На прощанье угостил всех присутствующи-

щих, а под конец у нас за спинами собралось немало народу. Не то чтобы я боялся, но лучше зря не рисковать, а возчики ушли сильно недовольные. Пронесло. Они хоть и топтались у выхода в компании таких же мордovorотов, в групповую свалку ввязываться не стали. Понятно, кто выйдет виноватым при любом раскладе. Особенно когда один из парней громко обещает к папе-судье вскорости меня позвать. Им тоже обувь чинить надо. Ну да, Ганс папашу имеет вовсе не на том уровне. Он Михаэлев племянник, и притом страшно хитрый.

Потом мы потопали в бодром темпе на ферму. Выходной закончился, завтра за сегодняшнее веселье придется отдуваться. Не по злобе, а просто на ферме работа не заканчивается и зимой. Особенно когда свадьба на носу.

— Ты не передегивал, — уверенно сказал Бэзил после долгого молчания. — Как же выиграл?

— Всегда подозревал, что ты в своем Париже был шулер.

— Я не Глэн! — почти взвизгнул он.

— Да? Откуда тогда знаешь?

— Не знаю, — пробурчал мой псих, — но я внимательно смотрел.

— Ты меня старше раза в два — и по тому возрасту, и по этому. В смысле тела. Как такими руками, — показал я свои рабочие лапы, — на глазах у всех жульничать, а?

Он заткнулся. Многие подозревали, да никто не ловил. Сегодня я взял почти двадцать семь ливров без трех су. Четыре ливра сдал Шарлю, позволив тому пару раз выиграть. Городских практически не чищу, разве если по-честному. Волки не режут овец возле логова, вызывая возмущение и охотников с ружьями. Они стригут проезжих и делятся со здешними овечками. Так что минус на угощение для всех предусмотрен. Тоже влетело, обеспечив заодно разговоры надолго. Десятую часть Мюнцеру, как договаривались. Он на одной выпивке еще дважды сделал столько же, но своего не упустит. При любой возможности гребет денежку. А мне от этого плохо? Как раз наоборот.

Фокус-то на самом деле простейший, да никто в упор не видит. Купил он как-то при случае два десятка новых колод. Для протестантов нож вострый, как выпивка и курение. Про-

дать практически невозможно. Но не все же упертые, да и молодым погулять хочется. Вот и выходит как с танцами. Не поощряется, но и не замечается, пока определенных границ не переходят. И в единственном месте. Но карты — ни-ни! В задней комнате, и якобы никто не в курсе.

Короче, я чужими не играю. Исключительно запечатанными, для демонстрации. А взять таких, кроме как у Мюнцера, нигде. Только вот уже давно осторожно с его ведома сначала вскрыл упаковки, затем запечатал. Зачем? А пометил «рубашку» в каждой колоде одинаково. Когда просто ногтем нажмешь, когда точка поставлена незаметная. Сдаешь колоду — и при определенном опыте сразу чувствуешь отметку. А посторонний не поймет.

Два с половиной года уже в «кабальных» — и при малейшей возможности тут монета, там вторая. Жак заплатил девятьсот ливров за пять моих полновесных лет. Нет, он не отнимал свободы. Это сделал поганый судья в Англии. Потому претензий к хозяину не имею. Он ведет себя правильно. С уважением. Я работник — он начальник. Отдам долг — уйду.

Сегодня я взял чуть меньше своей двухмесячной стоимости. Еще годик — и, скорее всего, смогу выкупиться. Накопления позволят. Но какой смысл? Уйти с голым задом в батраки на другую ферму? Нет, я проживу до конца срока, а на деньги возьму товаров с хорошим ружьем и подамся в трапперы¹. На шкурки хороший спрос на побережье и в Европе. И не на одних бобров.

Глава 3 ОХОТА

Дорога некоторое время тянулась заснеженными полями, вдоль перелесков, с которых срывались в полет черные косачи². Они частенько попадают на открытых местах. Каждая птица имеет свой нрав. Рябчик, наоборот, в самую чащу забивается. А глухаря требуется искать в сосняке или у болотисто-

¹ Охотник на пушного зверя в Северной Америке.

² К о с а ч — так называемый полевой тетерев.

го места. Небрежно пальнул по взметнувшимся птицам влет. Одна упала сразу, вторая получила пулю в крыло и плюхнулась на землю с криком. Поднялась и заковыляла. Красивый выстрел вышел. Надеялся, но не верил. Специально ловил, чтобы на одной линии шли. Посмотрел на Глэна в ожидании похвалы.

— А чего я? — возмутился тот, явно не поняв.

Дробовиков в колониях не любят. Прежде всего из-за огромных налогов на порох и свинец. Выстрел из него требует гораздо большего заряда. Но этого мало. Удобнее охотиться с винтовкой, поскольку пулей можно бить и медведя, и рябчика, и утку, а с дробью ни один умник идти на хищного зверя не отважится. Нет, может, и попадались такие, но долго не прожили. И хотя баек про того же лесного хозяина, убитого ножом, из пистолета или сдохшего с перепугу от бабьего крика, слышал много, но пока еще никто не таскает с собой жен в качестве главного орудия охоты на гризли. Предпочитают стандартные солдатские карабины или сделанные местными оружейниками из стволов и замков, купленных в Соединенных Королевствах. Дерево и отдельные детали уже здешние, для удешевления. Колонист не гонится за изяществом, предпочитая прочность, точный бой и неприхотливость в использовании и обслуживании.

— Пусть этот бегает, — показал мне Глэн на пса.

Можно, конечно, назло отправить его самого за несчастной птицей, пусть ловит, но удовольствия никакого. Полдня станет бегать, а затем нудеть. Ведь не хотел с собой брать — он сам напросился.

— Принеси, — скомандовал Дымку, мысленно плюнув.

Тот унесся большими прыжками. Достаточно скоро вернулся, задавив подраненного, и отправился вновь за добычей. Догнал меня уже на ходу и вручил вторую тушку, побежал рядом, очень довольный. Не часто в лес ходить приходится, а он настоящий охотничий пес, а не дворовая собака.

Абсолютно некрасивый, острорылый, с большим ушами и мохнатым хвостом — обычная, ничуть не похожая на используемых аристократами благородных легавых и гончих. Только я за этих бесполезных в наших условиях медяка не дам. На зверя они почти непригодны, их учат травить стаей. Дымок

без всякого обучения знает, когда положено сделать стойку, подать голос, и в лесу от него ни один зверь не скроется. Покажет, предупредит и подождет приказа от охотника поднять дичь. И все это без малейшей дрессировки, на одном инстинкте. Полагаю, он бы прожил в лесу самостоятельно, не хуже волка, однако душа собачья, и человек ему зачем-то все же необходим.

— Вон же! — вскричал Глэн дурным голосом при виде очередных испуганных косачей. — Чего не стреляешь?

— А сколько нам надо? — спрашиваю. — На обед всем хватит. А порох со свинцом зря тратить не стоит. Мари не понравится.

Он ожидаемо выругался в адрес хозяйки. Терпеть ее достаточно сложно даже мужу. За медную монетку удавится и одновременно желает свадьбу лучше соседской. Естественно, на работниках отыгрывается. А я вынужденно уже многие слова на русском знаю. Вернее, неприличные выражения. И не захочешь, после десятого повторения в память западут.

Ага, вот закончилась возделываемая земля. Дорогу обступили заснеженные ели.

— Лук бы надо сделать, — неуверенно сказал Глэн.

Это, видимо, для охоты. Молодец. Догадался. Только у меня нет настроения объяснять, что это тоже требуется уметь, как и наделать стрел. Даже индейцы в прежние времена каждый могли сделать своими руками, а предпочитали брать у мастеров. Хороший лук — дело отнюдь не простое и частенько индивидуально подгоняется под заказчика. А уж сложный, на специальном клею и с накладками из рогов...

Меня еще отец учил, вбивая очередное знание подзатыльником: мужчины бывают двух видов. Один может купить любую вещь, второй сделать ее собственными руками. Повзрослев, я понял — это все же не совсем так. Даже высшая аристократия не может купить того, чего им не предложат, а изготовить любой предмет никто не способен. То есть при старании возможно, но на то и профессионалы, чтобы не тратить лишнего времени на то, что он сделает моментально. Лучше потратить это время на зарабатывание золота в другом деле, будучи там специалистом.

Тем не менее польза от его науки для меня вышла немалая. Я все могу и умею, не претендую на звание мастера. Всем полезен, удобен и прекрасный труженик, не забывающий о своих кровных интересах. Потому навоз таскает нынче Глэн, как и делает всю остальную черную работу. От меня польза в иных местах гораздо выше. А сидеть в тепле всяко приятнее.

Встречный плохо одетый мужчина с ружьем на плече остановился, вежливо поздоровавшись. Я не менее уважительно ответил.

— Индейцы не беспокоят?

— Слава богу! Но за реку ходить не советовал бы, там их края. Ирокезы чужаков не любят.

— Не подскажите, есть тут в округе работа?

В речи определенно знакомый акцент. Йоркшир или Мидленд. Я сразу перешел на английский, и он аж расцвел.

— Что-то конкретное? Ремеслом владеешь?

— Ружья чинить могу, вот и инструмент имеется, — хлопнул он по сумке на боку. Не увидел реакции и продолжил: — Да всего понемногу.

В наших краях, где частенько отсутствуют не только ружейники, но и хорошие слесари, зачастую мелкие неисправности устраняются хозяином. От порчи оружия при всем желании не уберешься. Случается падать с ружьями на камни, валежины, особенно ходя в лесу, по горам и оврагам, отчего можно погнуть стволы или сделать на них ямины, углубления. Редко у кого из охотников нет одного или двух подпилков, молотка, клещей, даже тисков и прочих необходимых принадлежностей. Ну а если что серьезное — так в Де-Труа есть мастер. Уж ему точно конкуренты самонадеянные без надобности, как и работники.

— Работа всегда имеется, но в город заходить я бы не советовал. Там форт, солдаты, а скоро наверняка заявится мытарь с целой командой трусить налоги.

— А в деревнях?

— Вон туда, — показал я рукой, — пару лье, в Капричо живут. Не советую. Неприятные люди. Предлагают много, получаешь мизер. Вечно найдут к чему придраться и оговоренного не заплатят. Одно слово — ломбардцы.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. СЛУГА	5
Часть вторая. ШЕВАЛЬЕ	175